

*Б.М. Кондорский**

**Основные предпосылки и уроки
революционных событий в России и Китае
как странах третьей генерации
(к столетию Русской революции)**

АННОТАЦИЯ: Революции в одной стране составляют революционный период (РП) как целостную систему, имеющую свои законы. Конкретные революции являются внешним проявлением процессов в рамках РП. В зависимости от сроков наступления и характера протекания РП выделены три основные группы стран. Рассмотрена и проанализирована ситуация во всех основных сферах общества в России и Китае в начале РП как странах третьей генерации. Прослежен характер исторического развития в рамках РП в России и Китае от начала и до конца XX в. Выявлены основные сходства и различия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Россия, Китай, революционный период, революционные события в России в XX веке, революционные события в Китае в XX веке.

Исторический процесс носит системный характер. Это относится и к так называемым буржуазным революциям, а точнее — революциям Нового времени. Анализ показывает, что в основе каждого этапа социальной эволюции лежал определённый тип революций, который формировал потенциал дальнейшего развития. В человеческой истории можно выделить следующие революции и соответствующие им этапы: неолитические, архаические, феодальные, революции Нового времени [36, с. 68].

Революции Нового времени происходили в форме революционного периода (РП) как системы, имеющей свои законы. Конкретные

* Кондорский Борис Михайлович, независимый исследователь, Донецк, Украина; E-mail: bmkbox@mail.ru

революции следует рассматривать как проявление процессов в рамках РП. РП заканчивается тогда, когда ликвидируются все препятствия для свободного развития нации, когда в обществе создаются условия, исключающие возможность каких-либо революционных событий [31; 32; 33; 34; 37].

Все основные государства, в зависимости от сроков наступления РП и характера его протекания, можно разделить на три основных группы: стран первой генерации (СПГ), стран второй генерации (СВГ), стран третьей генерации (СТГ). К СПГ можно отнести Англию, США, Францию. В Англии РП закончился Славной революцией, во Франции — Третьей республикой, в США — с окончанием гражданской войны. В большинстве европейских стран (в частности, в Германии, Италии, Австрии, Венгрии) и Японии РП начался в середине XIX в. и закончился с окончанием Второй Мировой войны. В СТГ — России, балканских странах, Китае, Турции, Иране, латиноамериканских странах РП ограничился рамками XX в. Т.е. основной единицей классификации здесь являются не отдельные революции, а РП в каждой стране. В арабских странах РП начался после Второй мировой войны и закончится не ранее середины XXI в. События Арабской весны как раз и стали проявлением этих процессов.

Наличие революций не обязательно знаменует начало РП. Несмотря на то, что Испания в XIX в. пережила 5 революций, слабость и нерешительность буржуазии, неумение и нежелание организовать эффективную диктатуру своего класса каждый раз приводили к восстановлению реакционных порядков. Обратная картина наблюдалась в скандинавских странах. Здесь РП имели место без конкретных революций. Революции есть следствие процессов в рамках особого «революционного» состояния общества, которое было характерно для всех основных государств в их историческом развитии в Новое время.

РП является естественным и необходимым условием формирования политической нации в отдельных государствах. Это же относится к становлению политической и экономической систем. Сроки наступления РП и характер его протекания во многом зависят от специфики предыдущего исторического развития. Автором было показано на примере Китая, что его отнесение к СТГ связано с неполным характером проходившей здесь феодальной революции, что и предопределило низкий потенциал последующего развития. Уже в XIV в. Китай перешёл в инерционный период [34, с. 158]. То же самое относится к России, где феодальная революция имела место почти на 400 лет позже, чем в Западной Европе (в рамках уже Московского государства) [38, с. 157]. Нынешняя сегментация многих арабских государств связана с сохранением здесь после феодальной

революции VII в. на этническом уровне традиционного, племенного сознания, резкую активизацию которого мы сейчас наблюдаем.

В РП все политические режимы в той или иной степени имеют черты диктатуры. Характер диктатуры зависит от этапа революции и выражает интересы того или иного класса. Каждая диктатура выполняет определённые исторические задачи. Якобинская диктатура сделала невозможным восстановление абсолютистских порядков во Франции, так же как это сделала диктатура Кромвеля в Англии (несмотря на последующие реставрации).

Диктатура позволила Советскому государству провести индустриализацию и выстоять против фашистской Германии. Если бы в 1917 г. победила буржуазия, то Россия в своем развитии пошла бы по пути Польши. Что стало с этим государством через две недели после нападения на неё Германии — мы знаем из истории.

Попытки либерализации власти в РП как правило способствовали появлению классических диктатур. Демократическая (внешне) Веймарская республика, весь период своего существования находившаяся в состоянии перманентного кризиса, породила жёсткую национал-социалистическую диктатуру. Аналогичная ситуация имела место в Испании в 30-е годы.

СТГ имели свои особенности, которые заметно отличали эти государства от СПГ и СВГ. Если в СВГ развитие политических режимов носило в основном эволюционный характер, то в СТГ отсутствовал какой-либо потенциал трансформации старого порядка. Дальнейшее развитие было возможно только при условии разрушения не только политической системы, но и государства в целом. Попытки реформ «сверху» в России, Китае, Турции, Иране закончились полным провалом.

В СПГ промышленные революции носили самостоятельный характер. В СВГ они были обусловлены, в значительной степени, сформировавшимся к середине XIX в. европейским экономическим пространством. В СТГ не было промышленных революций — была индустриализация под непосредственным руководством государства.

В СТГ капитализм отсутствовал как система. Был капиталистический уклад. Уклад — это структура, которая в отличие от системы не имеет потенциала развития. Отсутствие капиталистической системы предопределило слабость буржуазии в СТГ не только в экономической, но и политической сфере. Буржуазия здесь так и не смогла организовать свою диктатуру во время революций, не смогла выдвинуть ни одного лозунга, который мог бы привлечь народные массы.

Для СТГ была характерна сильная финансовая зависимость от более развитых СПГ и СВГ. При этом предоставление займов обычно

наполнялось политическим содержанием. Внутренняя слабость, превращающаяся в слабость международную, привязывала политику СТГ к чужим интересам.

Всё это позволяет провести сравнительный анализ всего того, что предшествовало РП и было характерно для него в XX в. в России и Китае как странах третьей генерации.

В СТГ более 80% населения проживало в сельской местности и имело традиционный крестьянский менталитет. Сознание российского крестьянина воспринимало землю как божью, ничью [28, с. 60]. Отсюда — полное неприятие частной собственности на землю, требование отменить её продажу. Крестьянину был чужд буржуазный взгляд на собственность как источник богатства [51, с. 670]. Землю считали общим достоянием тех, кто её обрабатывал [50, с. 328]. 60% крестьян составляла беднота с глубоко укоренённым патриархальным сознанием [23, с. 67].

Крестьянское хозяйство не оставляло места для проявления индивидуальности. Это был коллектив, подчинявший интересы личности интересам группы. Хозяйство двора не допускало частной собственности. Община была сообществом крестьян, совместно владевших общинной землей, распределявшим фискальные обязанности, следившим за порядком [60, с. 108–110]. Сельская поземельная община выполняла разнообразные хозяйственные, социальные и фискально-полицейские функции. Община вмешивалась в семейные отношения, вопросы наследования, брала на себя функции социального обеспечения [26, с. 288].

Аналогичная картина наблюдалась в Китае. Сельская община поддерживала правопорядок, контролировала соблюдение норм, социального поведения, строила и содержала школы, храмы, устраивала ритуальные мероприятия [75, с. 242–243]. Чрезвычайно важную роль играла клановая организация общины. Клан был основной ячейкой, которая была предназначена для защиты социальных, хозяйственных и политических интересов входящих в него семей [13, с. 45]. По цинскому законодательству кланы были уполномочены рассматривать и выносить решения по всем случаям внутренних правонарушений и конфликтов, за исключением серьёзных уголовных преступлений [76, с. 188–201]. Даже в 70-е годы наблюдалось проявление клановой солидарности, Производственная бригада по своему составу совпадала с прежним кланом [68, с. 248].

Роль кланового аспекта в жизни русской деревни изучена крайне слабо. Хотя имеются данные, что имели место неформальные родственные кланы. Внутриклановая солидарность была даже сильнее внутриобщинной. Принадлежность к тому или иному клану имела

большое значение в деревенской среде. Существовали различия между «родовитыми» и «неродовитыми» крестьянами. Решающее значение имела потомственная, на протяжении многих поколений, принадлежность к данной общине [22, с. 234–235].

Реформа 1861 г. не столько решила проблемы в деревне, сколько их обострила. Освобождённым крестьянам приходилось выкупать землю, которую они обрабатывали, часто по завышенным ценам, что на полвека обрекло их на долговую кабалу. Из-за значительного прироста населения недостаток земли становился всё более ощутимым. Нужда в наличных деньгах для уплаты налогов вынуждала крестьянина продавать часть необходимой для внутреннего потребления сельскохозяйственной продукции. Наблюдался устойчивый рост обнищания сельского населения [7, с. 22–23]. Помещики сдавали в аренду землю на кабальных условиях за отработки, испольщину.

После реформы 1861 г. и до конца XIX в. арендная плата увеличилась в три раза. Предпринимательская прибыль не могла идти ни в какое сравнение с громадной рентой, получаемой за сдаваемую в аренду землю [15, с. 18].

Не лучше, если не хуже была в этом отношении ситуация в Китае, где арендная плата в отдельных случаях могла достигать 60–70% урожая [83, с. 134]. Так же, как и в России, в Китае основная масса крестьян относилась к рынку более, чем прохладно. В районах, где имела место денежная рента — с сильнейшей ненавистью и неприязнью [63, с. 45]. Патриархальный крестьянин стремился разорвать товарные отношения между городом и деревней, натурализовать деревенскую экономику. Деревня видела своим главным врагом государство и чиновничество с их налоговым произволом [3, с. 366].

В связи с этим стоит остановиться на проблеме развития капитализма в деревне. У многих советских исследователей существовал, можно сказать, идеалистический взгляд, когда считалось, что основной массив сельского населения во второй половине XIX в. стал мелкобуржуазным [29, с. 77]. Большая часть крестьян после реформы оказалась пролетариями и полупролетариями [67, с. 285]. Но как говорилось уже выше, подавляющее большинство крестьянства имело патриархальный тип сознания. В значительной степени это относится к середнякам и даже кулакам, которые по своему образу жизни оставались крестьянами. Отношения между кулаком и батраком носили исключительно социальный, традиционный характер. Т.е. ни о каких пролетариях в экономическом (капиталистическом) понимании в классической русской деревне не может быть и речи.

Докапиталистический характер китайской деревни не позволяет говорить о мелкобуржуазности крестьянства [47, с. 7]. Кулаки эволю-

ционировали в помещиков, а не в класс сельской буржуазии. Наёмный труд имел форму отработки за долги и пользование скотом [9, с. 331–332]. Зажиточные крестьяне использовали свои капиталы для торговых спекуляций, ростовщических операций. К сельской буржуазии можно отнести только часть мелких торговцев, обслуживающих местный рынок [57, с. 21–22].

В начале XX в. крестьянство в России превращается в самостоятельную политическую силу. Ещё в 1902 г. наблюдался широкий размах крестьянских волнений [82, с. 18], который усилился во время революции и носил характер погромов помещичьих усадеб. В 1905 г. крестьяне разгромили 3 тыс. дворянских имений. Свергалась местная власть, и создавались крестьянские комитеты. По существу, шла крестьянская война [74, с. 100]. Причём погромы носили организованный характер. Им предшествовали сельские сходы, на которых утверждались приговоры. Это нельзя назвать разбоем. Крестьянские выступления во время революции 1905–1907 гг. были упорядочены и не похожи на разгул ненависти и вандализма во время гражданской войны [81, с. 169].

Революция 1905–1907 гг. способствовала зарождению своеобразного классового самосознания среди новых элементов крестьянской бедноты [28, с. 118]. Происходит самоорганизация крестьян. 24 мая 1905 был создан Всероссийский крестьянский союз. В 1905 г. было проведено 3 съезда. В состав 470 секций на местах входило более 200 тыс. делегатов [7, с. 47]. На съездах Крестьянского союза делегаты продемонстрировали ясность своих целей. Основные требования заключались в передаче крестьянским общинам (именно общинам) всех земель России, пригодных для сельскохозяйственного пользования. Продажу земли следовало запретить, а частную собственность на землю — отменить [81, с. 294].

В истории Китая крестьянские восстания были более чем обычным явлением. Достаточно вспомнить грандиозное по своим масштабам восстание тайпинов.

Если в средние века характерные для китайского социума тайные союзы были инициаторами подобного рода выступлений, то в XIX в. тайные союзы, по нашему мнению, становятся важным фактором социальной стабильности. В основе тайных союзов лежали морально-этические нормы. Основной целью было оказание помощи и защиты своим членам [42, с. 69–70]. В тайные общества обычно вступали лица, живущие случайными заработками, нищие бродяги [24, с. 60], т.е. люди, оказавшиеся за пределами традиционной структуры социума. Аналогично, социальная эксплуатация арендаторов на традиционно-патриархальной основе была залогом сохранения социума в деревне.

Аренда обеспечивала малоземельных и безземельных крестьян средствами к существованию. В противном случае крестьянин мог быть вытеснен из общества и оказаться в бандитской шайке.

После революции 1925–27 гг. основные политические силы, Гоминьдан и КПК, стали уделять гораздо больше внимания крестьянам. План Гоминьдана предусматривал организацию централизованной сети крестьянских союзов [40, с. 24]. Эти крестьянские союзы возникли в результате пропагандистской и организаторской деятельности Гоминьдана и КПК. Крестьянство инстинктивно тянулось к организации, и тяга эта усиливалась по мере развёртывания революции [39, с. 338–340].

В России, для предотвращения выступлений крестьян, которые наблюдались в период революции 1905–1907 гг., Столыпиным и его окружением была задумана реформа, целью которой было разрушение общины и пробуждение инстинкта частной собственности у крестьян. Мыслилось появление слоя крестьян-собственников [21, с. 20]. Планировалось заложить фундамент российского гражданского общества.

В результате столыпинских реформ крестьяне-буржуа, которых мы видим в фильме «Соломенная шляпка», так и не появились. И дело не во внешнем виде, а в характере сознания. Те же кулаки по своей ментальности мало чем отличались от обычных крестьян-общинников. Основная масса крестьян не хотела порывать с общиной, в которой они видели средство защиты от помещиков и государства [64, с. 450].

Столыпинская реформа провалилась, в первую очередь, политически. Закон от 14 июня 1910 г. не только не снял социальную напряжённость, но усилил её до предела [1, с. 89]. Абстрактность замысла реформы в значительной степени объяснялась тем, что её сочиняли люди, плохо знавшие русскую деревню [21, с. 25]. В итоге политика Столыпина — по разным причинам — не смогла устроить ни народ, ни либералов, ни правых, ни левых, ни самого царя [74, с. 135].

Подобного рода проблемы были характерны и для реформ в промышленной сфере. Важность ускоренной индустриализации понимал С.Ю. Витте, который считал, что только она спасёт подлинный суверенитет России [7, с. 173]. Основная его ошибка заключалась в том, что главную ставку он делал на привлечение иностранного капитала. Витте считал, что Россия — не Китай и что иностранный капитал никогда не вытеснит национальный [7, с. 19]. Однако опора на границу неизбежно ставила Россию в подчинённое положение и создавала угрозу национальной безопасности.

Промышленное производство в России носило резко выраженный характер периферийного капитализма. Существовала тесная связь с

циклическостью спадов производства во время мировых кризисов. Была деформирована отраслевая структура. Тяжёлая промышленность полностью зависела от государственных заказов [58, с. 26]. Следует отметить также крайне низкую эффективность экономической системы. Несмотря на то, что население России превышало таковое в США в два раза, стоимость производимой Штатами продукции превышала стоимость российской в 10 раз [49, с. 484].

В Китае ведущая роль в «насаждении» капитализма принадлежала иностранному капиталу, превратившему государство в часть мирового рынка [55, с. 56–57; 80, с. 198]. Китай, как и Россия, не пережил эпоху первоначального накопления. Развитие капитализма происходило в недрах китайского традиционного общества, а не на обломках старого общества как в Европе [48, с. 53]. Следует обратить внимание на отсутствие у подавляющего большинства обладателей капиталов собственно капиталистического сознания. Купцы, предприниматели, ростовщики, горожане вкладывали свои капиталы в феодальное земледелие, покупку чинов, званий [53, с. 14]. Кстати, подобная ситуация была характерна для Франции в предреволюционный период [45, с. 11].

В конечном итоге политика Витте–Столыпина не привела к сближению с западной моделью, в первую очередь вследствие крайне низкого уровня капитализации. Капитал лишь одной американской «Юнайтед Стил корпорейшен» равнялся совокупному капиталу всех индустриальных и торговых компаний России [78, с. 19].

После реформы 1861 г. объём крестьянских выкупных платежей составил 10 млрд. рублей [30, с. 57]. Однако русские помещики не вкладывали эти деньги в развитие экономики, а «проедали». В то же время в Японии огромные денежные средства, полученные от правительства владельцами князями (даймё) и самураями, были вложены ими в промышленную и банковскую сферы [27, с. 60].

На рубеже XIX–XX вв. Россия попадает в финансовую зависимость от Франции. За счёт колоссальных займов Франция пыталась удержать Россию в союзе. Внешние займы предполагали внешнеполитические обязательства [59, с. 39]. Достаточно сказать, что доля России в общемировой задолженности составляла 31% [19, с. 172].

В начале XX в. для России был характерен заметный рост промышленности [10, с. 81]. Но повышение уровня жизни в РП воспринималось уже по-другому, чем в предыдущий период. Социальная система из «закрытой» в РП становится «открытой», развивающейся. Происходит сегментация общества. Каждый сегмент уже живёт определёнными ожиданиями. Средний класс — дальнейшим улучшением качества жизни, правые — укреплением самодержавия, левые —

радикальной революцией, либералы — ожиданием конституционной монархии, крестьяне — справедливым распределением земли. Если ожидания не сбываются, происходит накопление отрицательной энергии, которое носит пока скрытый характер. При этом власть постоянно испытывает давление абсолютно несовместимых требований — различные социальные слои ждут от неё диаметрально противоположных действий [72, с. 42].

После начала РП в Китае происходит разрушение социально-патриархальной системы. Основным законом, лежащим в основе социума, является обеспечение каждого его члена определённым минимумом жизненных благ. Сложившийся в течение столетий в Китае автономный и самодостаточный социум обеспечивал минимальными благами большинство населения, в первую очередь, за счёт формирования сознания потребностей в минимальных благах.

Экономическая система, которая начинает формироваться в РП, имеет совершенно другие законы. После падения монархии началось наступление не только на краткосрочную и бессрочную аренду, но и на институт вечной аренды. Снятие препоны на развитие рыночных отношений стало работать на землевладельцев, освободившихся от пут традиционного права [56, с. 162–163]. После Синьхайской революции эксплуатация крестьян помещиками по своей интенсивности вышла далеко за рамки своих норм, ранее упорядоченных феодальными обычаями. Крестьянину оставался минимум, необходимый для воспроизводства рабочей силы [52, с. 112].

Активное развитие государственного капитализма в России способствовало тому, что в ведении государства оказались сосредоточены крупнейшие казённые предприятия оборонного значения, что обусловило высокую концентрацию рабочей силы. Рабочими обычно становились крестьяне, которые не смогли ужить в своей общине и у которых, по существу, отсутствовало традиционное сознание. Получался как бы «чистый лист», на котором различные политические силы могли формировать нужное им сознание. К тому же относительная малочисленность пролетариата в России компенсировалась высоким уровнем его концентрации. Создавалась своеобразная критическая масса, где при определённых условиях могла пойти «цепная реакция».

К 1917 г. численность китайского рабочего класса составляла приблизительно 0,5% [44, с. 74]. Отдельные группы пролетариата оказались изолированными в нескольких крупных центрах. Китайский промышленный пролетариат в массе был представлен рабочими в первом поколении. Большинство рабочих были связаны с пауперизованной деревней и паупер-люмпенскими массами города [62,

с. 15]. Рабочий класс был разрознен по цеховым союзам, землячествам, тайным обществам [44, с. 64]. Пролетариат Гуандуна по своей структуре, классовому самосознанию, организованности отличался от пролетариата Шанхая и Уханя [41, с. 13].

В России пролетариат фактически стал опорой большевиков в борьбе за власть. В Китае это было нереально, несмотря на то, что в документах I Съезда КПК 1921 г. провозглашалась задача, опираясь на пролетариат, свергнуть капиталистические классы [63, с. 63]. Первым это понял Мао Цзэдун, который в конце 20-х годов провозгласил, что историческая миссия свершения демократической революции в Китае принадлежит лишь крестьянам. Перемещение деятельности КПК в деревню Мао считал не тактическим шагом, а стратегической линией [44, с. 19].

Революция 1905 г. развеяла иллюзии в отношении «доброты батюшки царя» в лице Николая II и у рабочих, и у крестьян [7, с. 56]. Политическую точку в революции поставил указ Николая от 3 июня 1907 г., окончательно превративший Думу из законодательного органа в совещательный, что испортило отношения власти с либералами. На парламентаризме в России был поставлен крест. Начался необратимый процесс отчуждения верховной власти. Николай стал в глазах русского общества превращаться в «инородное тело».

То же самое относится и к высшей бюрократии, которая уже при Николае I превратилась в своеобразную корпорацию, где внутренние интересы явно преобладали над внешними. В среде чиновничества, особенно среднего и низшего уровней, наблюдалось повальное лихоимство [43, с. 25]. Громоздкая государственная машина царизма, сохраняя до поры определённую инерцию устойчивости, могла катиться только по наезженной колее и была неспособна к переменам ни в своем собственном устройстве, ни, тем более, в устройстве общества [17, с. 5].

В середине XIX в. в России на 10 тыс. населения приходилось 12–13 чиновников, что примерно в 3–4 раза меньше, чем в странах Западной Европы (для справки: в настоящее время в России на 10 тыс. человек приходится более 600 чиновников [43, с. 23]). В отличие от Китая, у русских дворян гражданская служба не считалась почётной [20, с. 27].

Общее число постов в гражданской и военной администрации Китая при Цинах составляло 27 тыс. при общем количестве *шэньши* в миллион человек. Все функции по местному управлению были сосредоточены в руках одного чиновника. Управление населением практически находилось в руках примерно 1,5 тыс. чиновников. Сбор налогов, исполнение повинностей и полицейский контроль традиционно

возлагались на само население. *Шэньши* выступали как инициаторы и организаторы различного рода общественных работ [77, с. 15]. Т.е. представление в обыденном сознании о Китае как бюрократическом государстве не имеет ничего общего с реальной действительностью.

В России отсутствовала революционная буржуазия в западноевропейском понимании этого слова [74, с. 74]. Российская буржуазия отличалась политической инертностью и дряблостью [71, с. 134]. Попытки предпринимательских кругов создать свои партии закончились ничем.

Из ведущих политических партий к буржуазии наиболее были близки октябристы, которые занимали центристские позиции [71, с. 141]. Буржуазная интеллигенция, представленная партией конституционных демократов, выступала за государственно регулируемый капитализм и против неограниченной свободы частного предпринимательства. Кадеты включали в свою программу лозунги свободы рабочих союзов и стачек, введение 8-часового рабочего дня, обязательного страхования по болезни и старости. Либеральная интеллигенция отмежевывалась от буржуазии, считая себя выразителем общенациональных интересов. Промышленники, в свою очередь, также не питали симпатий к интеллигенции [16, с. 37–38].

В Китае отсутствовали правовые гарантии для предпринимательства [70, с. 197]. В конце XIX в. политика Цинов состояла в навязывании буржуазии такой организации частнокапиталистического предпринимательства, которая находилась бы под государственным контролем [79, с. 12]. Наблюдалась экономическая раздробленность китайской буржуазии, присутствие регионального сознания. К тому же буржуазная элита не выростала снизу, а формировалась сверху из представителей госаппарата, землевладельцев, компраторов [54, с. 202–203]. Чиновничья часть буржуазии не отличалась высокими предпринимательскими качествами, но в то же время имела возможность получать за счёт своего положения более высокие доходы, нежели капиталистическая прибыль [14, с. 147].

Отсутствие в Китае капитализма как системы предопределило слабость буржуазии не только в экономической, но и политической сфере [46, с. 233]. Буржуазия так и не смогла организовать ни политической партии, ни тем более своей диктатуры в период обеих революций [69, с. 73], не смогла выдвинуть ни одного лозунга, который мог бы привлечь народные массы [2, с. 202]. Как и в других СТГ, буржуазия не смогла самоорганизоваться в класс [80, с. 199]. Так называемая «Третья сила» (революционная партия Китая), связанная с национальной буржуазией, так и не смогла завоевать доверие народа [14, с. 47].

Элита отвечает за поддержание социально-политического пространства общества. Деграция элиты означает деграцию этого пространства. Перед революциями это приводит к тому, что достаточно одного толчка, чтобы пошёл процесс. Следует обратить внимание, что Февральская революция была полной неожиданностью не только для властей и буржуазии [61, с. 422], но и для революционных партий, включая большевиков [73, с. 158]. Аналогичная ситуация имела место в начальный период Синьхайской революции [18, с. 102–103].

Став носителем государственной власти, депутаты Думы пребывали в ими же придуманном пространстве. В первых декларациях провозглашалась великая демократия, но не было ни слова о том, как решить гигантские экономические и социальные проблемы, как трансформировать общество. Лидер либеральной буржуазии Милюков мог страстно утверждать в своих ярких политических речах, что «Россия есть тоже Европа» (Украина в этом отношении не совсем оригинальна), но уже в первые дни признал, что начавшаяся революция уникальна и неуправляема [78, с. 353]. Конечно П.Н. Милюков, М.В. Родзянко, А.И. Гучков и другие лидеры буржуазии были умнейшими, высокообразованными людьми, но «наивными» в рамках политической системы, законы которой они не понимали и не «чувствовали».

То же самое относится и к руководству социалистических партий — эсеров и меньшевиков. В процессе Февральской революции реальная власть оказалась в руках Петроградского Совета, который возглавили представители этих партий. Передавая власть буржуазному Временному правительству, они наивно полагали, что оно сможет эффективно решить все те проблемы, которые стояли перед российским обществом. Однако всё получилось с точностью наоборот. «Временные» министры всех трёх коалиционных правительств занимались чем угодно, только не тем, чем нужно. Всего лишь за полгода они ухитрились растерять весь кредит доверия со стороны народных масс и превратиться в «инородное тело». Керенский, будучи в своё время блестящим адвокатом, оказался бездарным политиком. Очень точно определил период правления Временного правительства В.С. Завойко (из окружения Корнилова) как эпоху сверхпомпадурства [25, с. 114].

Гоминьдан, если проводить сравнение с Россией, наиболее близок к эсерам. В Учредительном собрании эсеры получили около 40% мест [65, с. 56]. Если теоретически предположить, что эсеры оказались у власти, они, вероятнее всего, довольно скоро разогнали бы новый парламент и установили свою диктатуру, близкую к итальянскому фашизму.

Гоминьдан, объединявший в своих рядах основные страты китайского общества, отличался пестротой состава партии, столкновением интересов представленных в ней социальных слоёв и групп [11]. Была даже предпринята попытка идеологической консолидации на основе создания внутри партии организации фашистского типа — Фусиншэ (Общества возрождения) [66, с. 53]. В поражении Гоминьдана не последнюю роль сыграл тот факт, что Чан Кайши, будучи мелкотравчатым политиком [12, с. 210], не был реформатором с «большой буквы». Чан Кайши не предложил китайскому народу никакой программы экономических и социальных преобразований [5, с. 367].

После июльских событий в России революционный лагерь потерпел крупное поражение. Советы обессили. На партию большевиков обрушились репрессии. Однако, несмотря на это, руководству партии удалось не только за три месяца восстановить полное доминирование в Советах всех уровней, но и в конечном итоге взять власть в свои руки. Сила большевиков заключалась не в призывах к социализму, представления о котором оставались у народа ещё крайне туманными, а в ряде конкретных действий по доведению до конца демократической революции, что нашло выражение в радикальном решении вопросов о мире и земле [8, с. 155]. Следует отметить, что хаос, поглотивший Россию, наступил задолго до прихода к власти большевиков, которые просто подобрали власть, которая «валялась в грязи».

Большевиков и китайских коммунистов сближает мощный регенерационный потенциал, гибкость в проведении политики руководства обеих партий. Несмотря на то, что в конце 20-х — начале 30-х годов Красная армия находилась на грани полного поражения, партии удалось, при самом активном участии Мао Цзэдуна, превратить собрание плохо вооружённых крестьян и рабочих, бродяг и бандитов в «красных зонах» путём последовательной политической работы (а то и репрессий) в монолитную революционную силу, способную противостоять превосходящему её во всех отношениях противнику [83, с. 180]. С 1928 года за пять лет численность КПК выросла почти в 8 раз [62, с. 30].

Либерально-демократический тип мышления и сознания основной части буржуазии и интеллигенции в условиях тогдашней России носил иллюзорный характер [59, с. 33]. Можно утверждать, что именно неспособность буржуазии после Февральской революции создать диктатуру своего класса предопределила Октябрьскую революцию. «Февральская революция не явила миру новых Дантонов и, тем более Робеспьеров» [4, с. 61].

Создаётся впечатление, что во время войны и Февральской революции буржуазия играла роль «пятого колеса». Поэтому нет ничего

удивительного, что во время Октябрьской революции и последующей гражданской войны весь «клубок» противоречий, накопившийся за предыдущий период и мешавший развитию российского социума, был ликвидирован путём упрощения его структуры. Это положение в полной мере относится и к Китаю.

Страна становится субъектом геополитического пространства только после окончания РП [37, с. 242]. Отсутствие геополитической субъектности лишало страны, находящиеся в состоянии РП, точек опоры в геополитическом пространстве. Отсюда — отсутствие определённого вектора внешнеполитической активности, которая часто носила авантюрный характер с элементами иллюзорности. В этом отношении можно сравнить Францию времён Первой и Второй империй и Францию в постреволюционный период, когда её политика принимает последовательный и рациональный характер.

Подобного рода ситуация в СССР ознаменовалась попытками Хрущёва построить социализм в странах третьего мира. Не надо забывать, что развал Союза начался с его знаменитого доклада на XX съезде партии. Сейчас уже понятно, что это была глупость, а с политической точки зрения — преступление. Второй «осиновый кол» был вбит уже Брежневым и Громыко после подписания Хельсинских соглашений. Реально став после войны сверхдержавой, Советский Союз, согласно законам РП (в котором он находился), не мог стабильно оставаться таковой. Для поддержания своего статуса стране приходилось тратить несоизмеримо большие ресурсы по сравнению с государствами, где РП уже закончился [6, с. 74].

Совершенно по-другому в аналогичной ситуации повёл себя Китай. Мудрость руководства КПК, в первую очередь в лице Дэн Сяопина, заключалась в том, что они не пошли по пути Хрущёва, полностью сохранив авторитет Мао Цзэдуна в партии и государстве. Необходимо понимать, что Сталин и Мао Цзэдун в своей деятельности подчинялись законам существующей политической системы. Если бы Черчилль оказался на их месте, он действовал точно таким же образом.

Настоящий политик, если хочет преуспеть, должен следовать, подчиняться объективным законам политической системы. Государственный деятель, не чувствующий объективные законы политической системы, пребывает в иллюзорном пространстве со всеми вытекающими отсюда последствиями. Выше уже говорилось о Керенском и его коллегах по Временному правительству. Горбачёв недалеко ушёл от этих господ, что сыграло не последнюю роль в развале Союза. К политическим преступлениям нужно подходить не с позиций моральных критериев, а с точки зрения соответствия проводимой

политики объективным законам политической системы. К сожалению, иллюзорная составляющая весьма значительна в настоящее время как на Западе, так и на постсоветском пространстве.

В России, как и в других СТГ, РП закончился в 90-е годы. Окончание РП знаменуется установлением определённого типа политической и экономической систем, гражданского общества и демократии в соответствии с цивилизационной спецификой. Например, в Турции (где РП также закончился в 90-е годы) вышеперечисленные институты имеют исламскую составляющую, которая носит ещё более выраженный характер в Иране.

В России РП пришёлся, в основном, на годы советской власти. Сформировался «советский» базис политико-экономической системы, тот «фундамент», на которой сейчас строится «новый дом». Надстройка должна соответствовать базису. К тому же его невозможно изменить волевым путём, не разрушив при этом государства. В Китае это поняли ещё в 80–90-е годы, что и обусловило успешное развитие этой страны. В России доморожденные либералы попытались в 90-е годы построить «новый дом» по западным лекалам. Это чуть не привело к распаду государства и необратимой деградации экономики. Если к настоящему времени в политической сфере руководство страны это осознало, то в экономической — пока недостаточно. Здесь реально имеют место кризисные явления.

Если бы в своё время не был изменён либеральный курс, Россия имела бы то, что сейчас происходит на Украине. Здесь «советский» базис был полностью проигнорирован и образовавшийся «вакуум» стал заполняться различными элементами и институтами этнической системы. Определяющую роль здесь сыграло влияние представителей западных областей (особенно в СМИ). РП Западной Украины прошёл в рамках Австро-Венгрии и буржуазной Польши. Вместо реального пространства, имеющего естественные законы, стало формироваться искусственное — иллюзорно-мифологического типа. Возник глубокий кризис национальной идентичности, вследствие попыток консолидации общества на основе поиска внутреннего и внешнего врага [33].

По существу, в конце 80-х — начале 90-х годов произошло воспроизведение «февральской» ситуации. И там, и там попытка «демократизации» общества на основе опыта западных стран привела к развалу государства. Несколько другим путём пошёл Китай. И важную роль здесь сыграла Культурная революция. Можно со всей ответственностью утверждать, что, если бы не было направленной против носителей либерального сознания (в широком смысле этого слова) Культурной революции, не было бы современного Китая. Любая пе-

рестройка горбачёвского типа привела бы к развалу государства. Решительные меры, направленные на подавление «майдана» в 1989 г., с учётом последних событий на Украине, носили более чем разумный характер [35, с. 240].

Основной причиной международной напряжённости в начале XXI в. стало то, что СТГ, став субъектами геополитического пространства, естественно стали претендовать на свою «законную» зону влияния. Это вызвало отрицательную реакцию со стороны западных стран.

Сейчас идёт передел геополитического пространства и зон влияния, с одной стороны, между старыми (западными странами) и новыми субъектами, а с другой — между самими новыми субъектами геополитического пространства. С этой точки зрения конфликт между Турцией и Россией был неизбежен, так как у них слишком много точек противоречий и на Ближнем Востоке, и в Закавказье. Принципиальная разница в том, что если со своими «коллегами» по СТГ можно договориться (что и произошло у России с Турцией), найти общий язык, то со СПГ и СВГ противоречия носят антагонистический характер.

В первую очередь это касается США. Американская элита всегда считала, что Россия (Советский Союз) должна существовать на условиях Запада (в XIX в. эту точку зрения отстаивала Великобритания). Достичь данной цели можно только убедительной демонстрацией решимости и силы [85, с. 96]. Никсон, который считал, что США нужно уважать национальные интересы России [87, с. 179], был устранён элитой ещё «гуманным» способом, по сравнению с Кеннеди [86, с. 58–59]. В США все президенты проводили внешнюю и внутреннюю политику под контролем элиты, и любое проявление самостоятельности заканчивалось для них весьма печально. То, что мы сейчас наблюдаем, полностью соответствует данной закономерности.

Литература

1. *Аврех А.Я.* Царизм накануне свержения. М.: Наука, 1989.
2. *Белов Е.А.* Революция 1911–1913 годов в Китае. М.: Изд-во восточной литературы, 1958.
3. *Бокищанин А.А., Непомнин О.Е., Степугина Т.В.* История Китая. М.: Восточная литература, 2010.
4. *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997.
5. *Бурлацкий Ф.М.* Мао Цзэдун, Цзян Цин и Советник Дэн. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
6. *Быков О.Н.* Геополитический статус России (в двух книгах). Кн. 1. М.: ИМЭМО РАН, 2015.

7. *Верт Н.* История Советского государства. М.: Весь Мир, 2006.
8. Война и общество в XX веке: В 3 кн. Кн. 1: Война и общество накануне и в период Первой мировой войны / Ред. *С.В. Листиков*. М.: Наука, 2008.
9. *Гельбрас В.Г.* О классово-социальной структуре населения Китая в канун победы революции // Китай: общество и государство. М.: Наука, 1973. С. 327–345.
10. *Гиндин И.Ф.* Социально-экономические итоги развития российского капитализма и предпосылки революции в нашей стране // Свержение самодержавия. М.: Наука, 1970. С. 39–88.
11. *Глунин В.И.* Политика Коминтерна в Китае (1921–1927) // Коминтерн и Восток. Критика критики. М.: Наука, 1978. С. 207–244.
12. *Далин С.* Очерки революции в Китае. М.-Л.: Московский рабочий, 1927.
13. *Дацымер В.Г.* Новая история Китая. Красноярск: Изд-во Кр.ГУ, 2003.
14. *Делюсин Л.П., Костяева А.С.* Революция 1925–1927 гг. в Китае: Проблемы и оценки. М.: Наука, 1985.
15. *Дубровский С.М.* Крестьянское движение в революции 1905–1907 гг. Изд-во АН СССР, 1956.
16. *Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны. Л.: Наука, 1967.
17. *Дякин В.С.* Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Разложение третьеиюньской системы. Л.: Наука, 1988.
18. *Ефимов Г.В.* Буржуазная революция в Китае и Сунь Ят-сен (1911–1913 гг.). М.: Наука, 1974.
19. *Завалько Г.А.* Понятие «революция» в философии и общественных науках. М.: КомКнига, 2005.
20. *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России. М.: Мысль, 1978.
21. *Зырянов П.Н.* Столыпин без легенд. М.: Знание, 1991.
22. *Зырянов П.Н.* Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг. М.: Наука, 1992.
23. *Ильин В.В., Панарин А.С., Ахиезер А.С.* Реформы и контрреформы в России. М.: Изд-во МГУ, 1996.
24. *Илюшечкин В.П.* Тайные общества и еретические секты в Китае в середине XIX в. // Тайные общества в старом Китае. М.: Наука, 1970. С. 54–68.
25. *Иоффе Г.З.* Великий Октябрь и эпилог царизма. М.: Наука, 1987.
26. История России XIX — начала XX в. / Ред. *В.А. Фёдоров*. М.: ЗЕРЦАЛО, 1998.
27. История Японии: В 2 т. Т. 2: 1868–1998 / Ред. *А.Е. Жуков*. М.: ИВ РАН, 1998.
28. *Кабытов П.С.* Русское крестьянство в начале XX века. Саратов: Изд-во Саратов.ГУ, 1990.
29. *Ковальченко И.Д.* О буржуазном характере крестьянского хозяйства Европейской России в конце XIX — начале XX века // История СССР. 1983. № 5. С. 50–78.
30. *Ковальченко И.Д.* Столыпинская реформа // История СССР. 1991. № 1. С. 52–72.

31. *Кондорский Б.М.* Использование концепции революционного периода для анализа важнейших политических явлений и событий // Политическая наука перед вызовами современной политики: VII Всероссийский конгресс политологов. М.: Аспект Пресс, 2015. С. 289–290.
32. *Кондорский Б.М.* Революционный период в Китае // Общество и государство в Китае. Т. XLV. Ч. 1. М.: ИВ РАН, 2015. С. 134–150.
33. *Кондорский Б.М.* Теоретический взгляд на события XX — начала XXI века в пределах постсоветского пространства (на примере Украины) // IV Столыпинские чтения «Историческая память и геополитические вызовы современной эпохи». Международная научно-практическая конференция. Краснодар: Изд-во Куб.ГУ, 2015. С. 382–390.
34. *Кондорский Б.М.* Влияние исторического развития Китая на характер протекания революционного периода // Россия — Китай: история и культура: IX Международная конференция. Казань: Изд-во «Фэн», 2016. С. 156–166.
35. *Кондорский Б.М.* Исторические основы и предпосылки «культурной революции» // Исторические события в жизни Китая и современность. Материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 17–18 февраля 2016 г.). М.: ИДВ РАН, 2016. С. 234–243.
36. *Кондорский Б.М.* Революции в истории человечества // Революции как предмет научной и философской рефлексии: Всероссийская научная конференция. Ч. 1. Новгород: Изд-во Ниж.ГМА, 2016. С. 67–72.
37. *Кондорский Б.М.* Характер военных и социально-политических конфликтов России XX в рамках революционного периода // Память и время: влияние войн и вооружённых конфликтов XX в. на российское общество: Международная конференция (г. Новороссийск, 12–15 сентября 2016 г.). Пенза: Изд-во ПГУ, 2016. С. 241–250.
38. *Кондорский Б.М.* Характер формирования и развития княжеской власти в Древней Руси // Творческое наследие А.А. Зимина и современная российская историография: VI Зиминские чтения. Международная научная конференция, Москва, 7 апреля 2015. М.: Древлехранилище, 2017. С. 143–157.
39. *Костяева А.С.* Некоторые традиции крестьянского движения периода революции 1925–1927 гг. // Роль традиций в истории и культуре Китая. М.: Наука, 1972. С. 335–348.
40. *Костяева А.С.* Крестьянские союзы в Китае (20-е годы XX века). М.: Наука, 1978.
41. *Костяева А.С.* Основные проблемы революции 1925–1927 гг. в Китае // Революция 1925–1927 гг. в Китае. М.: Наука, 1978. С. 6–22.
42. *Костяева А.С.* Криминальные братства Тайваня. М.: ИВ РАН, 1997.
43. *Макаренко В.П.* Революция и власть: Размышления политолога. Ростов: Книж. изд-во, 1990.
44. *Малаухин А.М.* Китайское крестьянство в революции 1925–1927 гг. М.: Наука, 1974.
45. *Малов В.Н.* Ж.-Б. Кольбер. Абсолютистская бюрократия и французское общество. М.: Наука, 1991.
46. *Меликсетов А.В.* О традиционности государственного регулирования экономической жизни в Китае // Роль традиций в истории и культуре Китая. М.: Наука, 1972. С. 214–236.

47. Меликсетов А.В. Социальная природа китайского крестьянства и некоторые проблемы развития в прошлом и настоящем // Десятая научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. III. М.: Наука, 1979. С. 3–9.
48. Меликсетов А.В. О специфике развития капитализма в Китае начала XX в. // Двенадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. III. М.: Наука, 1981. С. 50–58.
49. Менделеев Д.И. К познанию России. Соч. в 25-ти томах. Т. 21. М.–Л.: Изд. АН СССР, 1952.
50. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII–XX в.): В 2 т. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000.
51. Миронов Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. М.: Новый хронограф, 2010.
52. Мугрузин А.С. Аграрные отношения в Китае в 20–40-х годах XX века. М.: Наука, 1970.
53. Непомнин О.Е. Генезис капитализма в сельском хозяйстве Китая. М.: Наука, 1966.
54. Непомнин О.Е. Китайская буржуазия накануне Синьхайской революции (Проблема социальной общности) // Государство и общество в Китае. М.: 1978. С. 190–206.
55. Непомнин О.Е. Социально-экономическая история Китая 1894–1914. М.: Наука, 1980.
56. Непомнин О.Е. История Китая. XX век. М.: ИВ РАН, Крафт, 2011.
57. Новейшая история Китая 1917–1927. М.: Наука, 1983.
58. Ольштынский Л.И. Советское общество. История строительства социализма в России: В 3-х кн. Кн. 1. Путь России к социализму (1905–1920 гг.). М.: ИТРК, 2014.
59. Оськин М.В. История Первой мировой войны. М.: ИД Вече, 2014.
60. Пайтс Р. Русская революция. В 2-х кн. Кн. 1. М.: РОССПЭН, 1994.
61. Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М.: Политиздат, 1991.
62. Панцов А.В. Из истории идейной борьбы в китайском революционном движении 20–40-х годов. М.: Наука, 1985.
63. Панцов А.В. Тайная история советско-китайских отношений. М.: Муравей-Гайд, 2001.
64. Политическая история: Россия — СССР — Российская федерация: В 2 т. Т. 1 / Ред. С.В. Кулешов. М.: ТЕРРА, 1996.
65. Политическая история: Россия — СССР — Российская федерация: В 2 т. Т. 2 / Ред. В. Вилкова. М.: ТЕРРА, 1996.
66. Попов А.П. Политические системы и политические режимы в Китае XX века. М.: Экзамен, 2007.
67. Рындзюнский П.Г. Утверждение капитализма в России 1850–1880 гг. М.: Наука, 1978.
68. Салтыков Г.Ф. Клановость и политическая борьба в китайской деревне (1970–1972 гг.) // Китай: традиции и современность. М.: Наука, 1976. С. 247–261.

69. *Симоновская Л.* Союз Тумэн в китайской революции // Сборник статей по истории стран Дальнего Востока. М.: Изд-во МГУ, 1952. С. 69–80.
70. Социально-экономические и политические проблемы Китая в новое и новейшее время / Ред. *Г.Д. Сухарчук*. М.: Наука, 1991.
71. *Стирин Л.М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России. М.: Мысль, 1977.
72. *Стародубровская И.В., Мау В.А.* Великие революции от Кромвеля до Путина. М.: Вагрус, 2001.
73. *Троцкий Л.Д.* История русской революции. В 2-х т. Т. 1. М.: ТЕРРА, 1997.
74. *Тютюкин С.В., Шелохаев В.В.* Марксисты и русская революция. М.: РОССПЭН, 1996.
75. *Тяпкина Н.И.* Местное управление в Китае и социальная организация сельской общины в начале XX в. // Китай: государство и общество. М.: Наука, 1977. С. 232–248.
76. *Тяпкина Н.И.* О клановой организации в китайской деревне первой половины XX в. // Социальная и социально-экономическая история Китая. М.: Наука, 1979. С. 181–204.
77. *Тяпкина Н.И.* Роль шэньши в социально-политической организации Китая XIX в. // Двенадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. III. М.: Наука, 1981. С. 13–24.
78. *Уткин А.И.* Первая мировая война. М.: Алгоритм, 2001.
79. *Чудодеев Ю.В.* Накануне революции 1911 г. в Китае. М.: Наука, 1966.
80. *Чудодеев Ю.В.* Крах монархии в Китае. М.: ИВ РАН, Крафт, 2013.
81. *Шанин Т.* Революция как момент истины. Россия 1905–1907 — 1917–1922. М.: Весь мир, 1997.
82. *Шаццлло В.К.* 1905-й год. М.: Молодая гвардия, 2004.
83. *Шорт Ф.* Мао Цзэдун. М.: АСТ, 2001.
84. *Юрьев М.Ф.* Революция 1925–1927 гг. в Китае. М.: Наука, 1968.
85. *Alexander M. Haig, Jr.* Caveat: Realism, Reagan, Foreign Policy. N.Y.: Macmillan Publishers, 1984.
86. *Blumenthal S.* The Rise of Counter-establishment: From Conservative Ideology to Political Power. N.Y.: Times Book, 1986.
87. Public Paper of President Richard M. Nixon. 1970.

В.М. Kondorskiy*

**The basic preconditions and lessons of revolutionary events
in Russia and China as the third generation countries
(To the centenary of the Russian revolution)**

ABSTRACT: Revolutions in one country constitute the revolutionary period (RP) as an integral system having its own laws. Specific revolutions are an external manifestation of processes within the framework of the RP. Depending on the timing of the offensive and the nature of the

course of the RP, three main groups of countries are identified. The situation in all major spheres of society in Russia and China as the third generation countries is considered and analyzed. The nature of historical development in Russia and China has been traced from the beginning of RP to the end of the 20th century. The main similarities and differences are revealed.

KEYWORDS: Russia, China, the revolutionary period, Russia in the 20th century, China in the 20th century.

* Kondorskiy Boris Mikhailovich, independent researcher, Donetsk, Ukraine;
E-mail: bmkbbox@mail.ru